



Лучшее время года (фельетон для газеты «Коммунар»)

Годовщина октябрьской революции приходится на осень.

Коварное время года.

С осенью в старой Руси всегда было неблагоприятно. Зима, лето ещё туда-сюда. Весна — отличное время. А осень — тоска.

Испокон веков страна наша осенью закисала. Во всех смыслах, всесторонне.

Закисала земля — по дорогам ни пройти, ни проехать.

Закисали звери, предавались унынию, меланхолии и неверию в светлые перспективы, благодаря каковому пассивному ихнему состоянию очень удавалась осенняя охота.

Закисали люди, бродили, свесив голову на бок, и смотрели мутным взором куда-то вниз, наискось, давая этим понять и себе и другим, что жить-то, собственно, незачем, а уж суетиться или добиваться чего-нибудь — совсем глупо.

Осенью, вместе с просёлочными дорогами, расходилась, распускалась во всю непроходимая хлипкая русская нудь. Разливалась морем, затопляла всю жизнь.

Три четверти русской литературы выросло на осенней русской душевной сырости. Что стали бы делать Достоевский и Чехов, если бы не было русской осени? Разве что Пушкин и Толстой — те обошлись бы...

Осенью богатые и образованные русские люди начинали нестройным хором на разные голоса ныть о тщете мирской. Какого им было рожна при наличии всяческих благ — догадаться было трудно. Это и составляло секрет так называемой загадочной русской природы.

Люди простые, бедные, дикие, обрабатывающие для богатых землю, осенью даже и не ныли. Их тяжело клонило ко сну, и, накрывшись тулупом, они бездумно, по-животному прижимались к тёплому чреву глиняной печи — до самой весны.

И так тянулось столетиями, пока не подросли новые люди, для которых осень была ничем не горше других времён года. Ни о чём и не думали. Все двенадцать месяцев года были для этих людей одинаковым бессрочным пленом в четырёх фабричных стенах, под твёрдым каблуком хозяев.

Рабочие не скулили беспомощно ни осенью, ни летом, ни весной. С тех пор, как познали себя классом, они сразу научились находить другой выход своим чувствам.

В марте некоторого года был положен конец старой царской России. Но рождённая весной революция была хилой. Её ждала осень, коварная российская осень, когда раскисают дороги и люди, и звери, когда интеллигенты ноют и скулят о смысле жизни, когда крестьянин снимает портянки и заваливается на треть года на печь.

И тогда, впервые за всю тысячу лет нашей страны, новые люди с фабрик и заводов навсегда сломали российскую осень.

Они скрутили ей осенью шею, как тем цыплятам, которых по осени считают, они повергли её ниц и прошли по ней через осеннюю слякоть, через сырую изморозь, бодро протопали сапогами под огнём вперёд, чтобы никогда не возвращаться назад.

И с тех пор, вот уже тринадцать лет, — не видно старой осени. Она умерла. Усохла и развеялась. О ней плохо помнят, почти совсем забыли, и только сейчас мы спохватились известить о смерти.

Кто же может и смеет ныть и скулить осенью после того, как в ноябре стреляли пушки с «Авроры», и рабочие взяли Зимний дворец, крестьяне получили землю?

Кто может теперь хныкать осенью — если первые же десять лет принесли в октябре семичасовой рабочий день и твёрдую помощь беднейшему и среднему крестьянству?

Кто смеет скулить и ныть осенью, теперь, когда рабочий класс в неслыханных, стремительных темпах, в великом соревновании создаёт новую промышленность, коллективизирует и пересоздаёт на новых основах сельское хозяйство, строит социализм не по дням, а по часам?!

Кто будет описывать «осенних» и «сумеречных» русских людей, если именно российский пролетариат осветил ноябрьские туманы молниями коммунистической революции, подав всему миру трудящихся пример высочайшего проявления массовой металлической твёрдой воли?!

Русская хлипкая старая осень сгнула, она похоронена навеки. Уже тринадцать лет живёт новое, бодрейшее время года, полное гордой ясности, торжествующего смеха победителей, спокойной уверенности во взгляде вперёд.